

Бассейн

— РОМАН —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РОМАНОВА ВИКТОРИЯ

18+

Виктория Романова

Бассейн

«Автор»

2026

Романова В.

Бассейн / В. Романова — «Автор», 2026

После тяжелого развода Эмилия сбегает во Флоренцию, чтобы на уединенной вилле обрести долгожданную свободу. Однако побег оборачивается погружением в чужие тайны. В ее жизни появляются двое мужчин: беспечный молодой сосед Ален и зрелый, уверенный в себе Ханс. Ситуация обостряется, когда Эмилия встречает подругу юности Кэти, чей идеальный брак трещит по швам из-за старых обид. Когда выясняется, что все эти люди связаны между собой, Эмилии приходится признать: вода в бассейне ее новой жизни стала слишком мутной. Чтобы спастись, ей придется впервые выбрать не мужчину, а саму себя.

© Романова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктория Романова

Бассейн

Глава 1

У каждого из нас есть только одно истинное призвание – найти путь к самому себе.

Г. Гессе «Демиян»

Эмилия терпеть не могла общественный транспорт. Тесное соседство с незнакомыми людьми вызывало в ней глухое раздражение, почти злость. К её огромному сожалению, возможность летать частными самолётами оставалась недостижимой роскошью, и потому, как и всем простым смертным, пришлось довольствоваться эконом-классом.

Перед тем как подняться на борт, она зашла в уборную аэропорта. В узкой кабинке, под холодным светом лампы, женщина вынула из сумочки несколько маленьких бутылочек виски и быстро осушила их одну за другой. Эти крошечные звенящие помощники давно стали спасением — они приглушали дрожь в теле, уводили мысли от паники и позволяли сделать вид, что всё под контролем. В последние месяцы тревога приходила всё чаще, и Эмилия нашла в этом ритуале свое спасение.

Эмилия заметно приободрилась, в темно-карих, по-детски больших глазах появился едва уловимый блеск — не радости, скорее облегчения. Уже в салоне, осмотревшись, она с досадой поняла, что ей предстоит лететь рядом с пожилой парой. Позади сидел маленький ребёнок, который, судя по всему, собирался провести весь полёт, упираясь ногами ей в спину.

Впереди Эмилию ждали три месяца во Флоренции.

Причиной её эксцентричного решения об отпуске стал развод. Пятнадцать лет брака закончились тихо и без сцен, будто что-то давно выгоревшее наконец догорело. Замуж она вышла слишком рано — едва ей исполнилось девятнадцать. Тогда ей казалось, что она точно знает, чего хочет: крепкую семью, дом, стабильность. Это выглядело логичным, почти залогом абсолютного счастья. Реальность же, оказалось более прозаичней.

Со временем пришло другое понимание. Даже финансовая уверенность, которой так гордился её бывший муж, не смогла заполнить пустоты. Где-то на девятом году совместной жизни их общий корабль сел на мель, а затем медленно, почти незаметно начал тонуть.

Эмилия была уверена в существовании всего двух типов разведённых женщин. Первым типом были те, кого в народе — особенно мужчины — едко называли разведенками. Женщины, которые сжигают, рвут и ломают всё, что когда-либо принадлежало бывшему мужу, проклинают день, когда встретили его, и тайно наводят порчу на импотенцию экс-супруга.

Второй тип женщин был полной противоположностью первому: они, словно птицы Феникс, возрождались из пламени, окрылялись и упивались счастьем и свободой.

Проводя последние вечера в одиночестве с бокалом горячительного, она ловила себя на мысли, что не относится ни к одному из этих типов. Эмилия пыталась всеми силами понять свои чувства и почему не испытывает ни горя, ни счастья по поводу этой «маленькой смерти».

Развод часто сравнивают со смертью. Для первого типа женщин смерть казалась концом, для второго — началом, а Эмилия считала эту мысль слишком притянутой за уши. Мол, брак — это как ребёнок, которого ты растишь, холишь и лелеешь, а он внезапно умирает. Но ведь

смерть этого «ребёнка» не всегда бывает внезапной: иногда ты годами наблюдаешь, как он чахнет, и всё же не прикладываешь никаких усилий, чтобы его спасти.

С годами брак стал для неё чем-то вроде контракта, условия которого были попросту нарушены. Во всяком случае, она ещё не была в этом уверена — продолжала размышлять. Она часто думала о том, какие уроки необходимо вынести из этого опыта, но в голове оставался лишь плотный, непроницаемый туман.

Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Шум самолёта сливался в ровный гул, а мысли расплывались, теряя очертания. Эмилия не ждала от этой поездки ничего определённого — ни освобождения, ни спасения. Только паузу. Временную тишину, в которой, возможно, станет чуть легче дышать.

В семь часов утра самолёт сел в аэропорту Перетола.

Растерянная Эмилия стояла у выхода, ломая голову над тем, как ей добраться до виллы, где она рассчитывала провести тихие часы в тишине и умиротворении. Утро оказалось обманчивым: на улице уже стояла невыносимая жара, и даже в тени невозможно было укрыться от летнего зноя.

Собравшись с силами, она взяла чемодан за ручку и уверенным шагом направилась к стоящим неподалёку машинам. Выбрав самого ненавязчивого таксиста, женщина уже через мгновение мчалась навстречу новому городу. В салоне было душно — казалось, ещё немного, и воздуха перестанет хватать. Попросив включить кондиционер, она получила отказ: водитель на ломаном английском объяснил, что кондиционер попросту сломан.

Эмилия попыталась открыть окно, чтобы поймать хотя бы каплю спасительного сквозняка. Стекло поддалось, и в салон ворвался горячий, но спасительный ветер. Локоны, прилипшие к шее и вискам, наконец оторвались от кожи. Высвободив светлые пряди из заколки, она ощутила, как волосы свободно развеваются на ветру.

Весь маршрут она смотрела на Флоренцию — на её архитектуру и узкие улочки. Небо казалось бесконечно голубым, без единого облака, почти прозрачным, как лёгкое шифоновое платье Эмилии. Звон колоколов доносился с Пьяцца дель Дуомо. Она вслушивалась в этот звук и, закрыв глаза, наслаждалась моментом.

Преодолев немалое расстояние, блондинка с облегчением выдохнула, когда такси остановилось у небольшого двухэтажного дома из светлого камня, потемневшего от времени и солнца. Фасад был простым и немного неровным, с едва заметными трещинами, словно дом прожил куда больше лет, чем значилось в объявлении. Узкие окна скрывались за деревянными ставнями выцветшего зелёного цвета, а над входом, под карнизом, висел маленький потускневший от старости бронзовый колокол.

Несмотря на тесное соседство домов, он стоял особняком, отделённый невысоким каменным забором и узкими воротами. Во дворе тянулась выложенная плиткой дорожка, вдоль которой стояли глиняные горшки с геранью. Чуть в стороне росло оливковое дерево, дающее редкую, но спасительную тень. Между камнями пробивалась трава, а воздух был наполнен запахом нагретого солнцем камня и цветов.

Фабио Инноченти, обещавшийся встретить её, отсутствовал. Вокруг не было ни души — казалось, город всё ещё спит. Если бы не щебет птиц и стрёкот цикад, она оказалась бы в почти полной тишине, изредка нарушаемой далёким шумом проезжающих машин.

К счастью, калитка оказалась не заперта, и Эмилия беспрепятственно вошла во двор. Подождав несколько минут под палящим солнцем, она несколько раз попыталась дозвониться до мужчины, но безуспешно. Мысль о том, что её могли обмануть, неприятно кольнула, и Эмилия уже корила себя за глупость — за то, что оплатила проживание полностью. Солнце беспощадно опаляло плечи; она ощущала, как его лучи проникают сквозь тонкую ткань платья и непривычную к южному свету кожу, заставляя тело медленно гореть.

Изнывая от жары и усталости, она присела на скамейку под невысоким деревом. Кружевная тень от листвы заиграла на её светлых волосах, а сонные глаза бессмысленно уставились вдаль. Постепенно ей стало казаться, будто напряжение отступает. На мгновение она уловила слабое дуновение ветра, принёсшее одурманивающий аромат садовых роз — сладкий, почти осязаемый на кончике языка. Прикрыв глаза, Эмилия впала в странное, полусонное состояние.

Приняв происходящее таким, какое оно есть, она поняла, что у неё всего два варианта: найти где-нибудь поблизости кафе, выпить чашку кофе и скоротать время в ожидании либо начать поиски другого жилья — окончательно испортив впечатление и изрядно вымотав себя. Разумеется, Эмилия выбрала первое: терять деньги при её и без того скромных ресурсах было бы неразумно.

Эмилия заставила себя приоткрыть глаза и посмотреть вдаль улицы. Неподдалёку двигалась толпа — сначала они казались миражом среди безлюдных домов. По мере того как они подходили, их голоса становились отчётливее, и вскоре Эмилия поняла, что это компания молодых людей. Они громко что-то обсуждали, смеялись, не торопясь, словно осознавая, что впереди у них целая жизнь, и наслаждались этим знанием.

Когда они подошли ближе, Эмилия смогла рассмотреть их отчётливо. Им было не больше двадцати — лёгкие, шумные. Она решила, что ребята возвращались с вечеринки. Среди них была девушка в ярком оранжевом платье — слишком активная, по её мнению, даже вызывающая. Та легко перепрыгивала из объятий в объятия, смеясь и цепляясь за плечи то одного, то другого юноши.

Наконец компания остановилась прямо у ворот дома, возле которого потерянная и измождённая дорогой Эмилия всё ещё ждала прохлады и мягкой постели. Ребята по очереди обнимали одного из юношей; каждый норовил, подраживая, растрепать его светло-пепельные волосы. Он смеялся, пытаясь прикрыть и пригладить их руками. Весёлая брюнетка без колебаний притянула его к себе и поцеловала прямо в губы — быстро, уверенно, как нечто само собой разумеющееся.

Взгляд Эмилии невольно задержался на нём. Она обратила внимание на его конечности, казавшиеся бесконечно длинными. Несмотря на изящную худощавость, юноша был широк в плечах, что придавало его силуэту атлетичность, заметную даже под просторной белой рубашкой. Помахав друзьям, юноша устало улыбнулся и вошёл во двор.

Опустив голову, он шёл медленно, почти волоча ноги, словно усталость вдруг накрыла его целиком. Эмилия уже решила, что останется незамеченной — лишнее внимание ей было ни к чему. Но стоило ему вскользь взглянуть в её сторону, как он резко остановился, явно не ожидая увидеть здесь кого-либо. На его лице отразилось искреннее замешательство.

Глава 2

— Buongiorno, — окликнул он, взволнованно моргая.

Голос показался Эмилии слишком низким для такой юной, почти изящной внешности. Она нерешительно ответила, стыдясь своего акцента. Юноша подошёл ещё ближе. Ей было не впервые видеть красивых юношей и, возможно, она не сочла бы его каким-то особенным, если бы не этот взгляд — внимательный, задерживающийся, — и широкая улыбка, в которой скользнула едва заметная усмешка.

Он тут же заговорил с ней по-итальянски, но Эмилия перебила его, неловко пояснив, что не понимает языка.

— Американка? — осторожно спросил он, словно проверяя догадку. На его лице играла лёгкая улыбка, а в светло-голубых, почти серых глазах читалось юношеское озорство — открытое, чуть дерзкое.

— Да, — кивнула Эмилия, поправляя лямку платья, соскользнувшую с плеча. Взгляд незнакомца на мгновение задержался на этом движении — слишком откровенно, чтобы это проигнорировать.

— Вам не нужна помощь? — вежливо спросил он, взглянув на чемодан.

Эмилия глубоко вздохнула, словно собираясь с силами.

— Я сняла апартаменты у сеньора Инноченти. Мы договорились, что он встретит меня, но его нет... и на звонки он не отвечает, — она пожала плечами, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Юноша чуть нахмурился и сделал шаг ближе.

— Да уж...

— Может, ты его знаешь?

— Конечно. Это его вилла. Я живу здесь уже больше полугода, — он усмехнулся. — Старик не отличается пунктуальностью. Но он обязательно появится, сегодня день оплаты. — Он на мгновение задержал на ней взгляд. — Значит, будем соседями?

— Не знаю... это ещё под вопросом, — Эмилия развела руками. Ей хотелось верить ему, но мысль о том, что она осталась одна в чужом городе, всё ещё тревожила.

Между ними повисла пауза. Юноша переступил с ноги на ногу. Эмилия осталась сидеть на скамейке, слишком обессиленная, чтобы спорить с собой.

— Предлагаю подождать его у меня. Я всю ночь был на работе, уходя, закрыл ставни, так что внутри намного свежее, чем на улице! С меня кофе или лимонад.

Женщина на мгновение замерла. Предложение прозвучало искренне, но внутри всё же что-то сжалось — пугающее количество совпадений, абсолютно чужой человек. Она машинально сжала ремешок сумки, словно проверяя, на месте ли последняя граница между осторожностью и усталостью.

— Я... — она запнулась и отвела взгляд. — Я не хочу быть тебе в тягость. И, если честно, не привыкла вот так... заходить к незнакомым людям.

Он не стал настаивать сразу, лишь чуть пожал плечами, будто давая ей пространство для решения.

— Понимаю. Просто здесь действительно жарко.

Эмилия едва заметно улыбнулась собственным мыслям. Мечты о прохладе и глотке холодного лимонада перевесили остатки сомнений.

— Хорошо, — наконец сказала она тихо. — Но ненадолго. Просто переждать.

— Конечно, — легко ответил он, словно и не сомневался. — Ничего лишнего.

Юноша с мягкой, зрелой заботой перехватил тяжёлую ручку её чемодана. Громоздкую сумку он с лёгкостью закинул на плечо.

Они поднялись на второй этаж. Внутри было тихо, комнат немного — видимо, остальные жильцы ещё спали. Поставив чемодан, юноша не сразу справился с замком: дверь поддавалась лишь после нескольких попыток. С лёгкой неловкостью он пропустил Эмилию вперёд.

Она удивилась: вместо ожидаемого холостяцкого хаоса — идеальная чистота. В квартире приятно пахло свежестью и геранью.

Парень пригласил её на кухню. Эмилия присела, сложив руки на коленях, ожидая напитка.

— Кофе? Лимонад?

— Лимонад...

Он засуетился: сначала открыл ставни, выпуская утро, затем достал из холодильника большой стеклянный кувшин. Эмилия заметила, как он сначала потянулся к обычному стакану, но вдруг, словно передумав, взял винный бокал на высокой тонкой ножке.

Она тихо усмехнулась — намёк был понятен. И эта его внимательная гостеприимность располагала к беседе.

— Ты один живёшь?

— Да, — коротко ответил он, поставив бокал почти у самого края стола.

Наклонившись вперёд, Эмилия перехватила его взгляд — парень на секунду замешкался, будто сбитый с толку её близостью, но тут же лучезарно улыбнулся.

— Мы, кстати, не представились. Меня зовут Ален.

— Эмилия...

Они пожали друг другу руки. Она отметила его ладони — грубые, сухие. В голове мелькнула мысль, что он знал, что такое тяжёлый труд. Юноша вдруг снова заморгал, и из-за взмахов ресниц его лицо казалось совсем юным, а маленькая родинка под глазом на щеке лишь усиливала эту трогательную реакцию.

— Сколько тебе? — вдруг вырвалось у неё. Эмилию искренне удивляло, что юноша живёт совсем один. Несмотря на попытки сохранять спокойствие, его нервный тик выдавал волнение.

— Мне двадцать в сентябре, — сглотнул он, поджав губы.

— А вам? — Стоило вопросу прозвучать, как он вдруг закрыл лицо руками. — Простите, женщинам ведь такие вопросы не задают, извините... — Открыв покрасневшее лицо, он виновато опустил глаза.

— Гожусь тебе в матери... — искренне усмехнулась она и, только потом посчитав в уме, поправила себя: — Нет, скорее в старшие сестры.

Некоторое время они говорили о её приезде, погоде и прочей чепухе, когда в дверь постучали.

Это был сеньор Инноченти — с бутылкой вина в руке. Оказалось, у него спустило колесо, телефон сел, и он не смог предупредить Эмилию.

Вино он преподнёс в знак уважения — бутылка собственного производства, из его винодельни.

Приняв извинения краснощёкого, смущённого старика в белой стильной шляпе и поблагодарив юношу, вскоре она оказалась в небольших, но уютных апартаментах.

Несмотря на непреодолимое желание уснуть, она прежде всего побрела в душ.

С трудом избавившись от прилипшего платья и встав под струи воды, Эмилия почувствовала, как горячие потоки смывают усталость. Мышцы расслаблялись, и из груди вырвался сладкий, почти произвольный стон.

Вода дарила умиротворение, не пуская тревожные мысли. После, даже не сменив простыней, блондинка рухнула на кровать лицом вниз и почти сразу уснула.

Проснувшись Эмилия в сумерках. Лишь слабый свет со двора едва освещал комнату. Полежав немного, она решила побаловать себя вином, оставленным стариком.

Ночь обещала быть удивительно тёплой. Ей захотелось провести время на балконе — с бокалом вина, наблюдая, как над ней загорятся звёзды.

Она нашла бокалы и штопор, наполнила один почти доверху. В винах Эмилия не разбиралась, но все же уловила цветочно-сливовый аромат. Сделав глоток, она удивлённо улыбнулась — подарок сеньора превзошёл ожидания.

Довольная и отдохнувшая, она вышла на балкон и опустилась в мягкое кресло, растворяясь в сумраке приближающейся ночи.

Фонари слабо освещали задний двор, иногда поблёскивала вода в бассейне. Когда бокал опустел, поднялся ветер, делая летнюю ночь ещё приятнее. Он пробирался под подол сорочки, ласкал плечи и руки, заставляя тело замирать и глубже погружаться в блаженное оцепенение.

И вдруг Эмилия услышала едва различимый женский голос. Слова разобрать было невозможно, но ей показалось, что она уже слышала его раньше. Сквозь шёпот прорвался глубокий, полный удовольствия стон.

Прислушавшись, она поняла — звуки доносились из комнаты соседа, Алена. Девушка, задышавшись, снова и снова произносила его имя. Стоны становились громче, насыщенные страстью и нетерпением.

Не нужно было быть гением, чтобы понять происходящее. То ли вино, то ли этот интимный чужой спектакль заставили Эмилию бесстыдно ловить каждый вздох по ту сторону стены.

Она ещё какое-то время сидела неподвижно, растворяясь в тишине. Наваждение давно рассеялось, но чувство неловкого присутствия — чужого и слишком близкого — не уходило.

Она зашла в комнату только тогда, когда стало прохладно. Закрыв балконную дверь, Эмилия поймала своё отражение в стекле — растрёпанную, с бокалом в руке, слишком живую для женщины, которая прилетела сюда «переждать».

Ложась в постель, она подумала, что завтра всё обязательно будет проще. Дневной свет расставит всё по местам, сделает происходящее обыденным и безопасным.

Эта мысль успокаивала её, но утро оказалось совсем другим.

Глава 3

Ален бездумно прислонился спиной к закрытой двери. Его взгляд пробежался по кухне, скользнул по развевающемуся от сквозняка капроновому тюлю, остановился на солнечном свете, заливающим комнату. Все казалось обыденным, кроме недопитого бокала, одиноко стоявшего на столе. Лицо его озарила тихая улыбка. Несмотря на усталость после бессонной ночи, глаза блестели теплом, которое согрело душу. Маленькая искорка, но ей хватало, чтобы насладиться этим утром.

Взяв из кармана пачку сигарет, он не расстроился, увидев, что осталось всего две. Он лишь щелкнул по донышку пачки и хмыкнул – Ничего, прогуляюсь. Медленно дойдя до балкона, облокотился на дверь и закурил.

Ночь была особенно тяжелой. Он бегал по ресторану, выполняя заказы, прислушиваясь к каждому капризу гостей. С досадой покачивая головой, Ален вспомнил двоих сильно выпивших мужчин, которых ему с коллегой пришлось разнимать, пока охранник отлынивал от обязанностей, то беседуя с посетительницами, то флиртуя с молоденькими официантками. Ален даже получил толчок, отталкивая разъяренных туристов, не поделивших даму, явно забавлявшуюся происходящим. Мысль об ударе заставила его потереть скулу.

В полночь жизнь только начиналась, а он уже был готов рухнуть, словно загнанная лошадь. И всё же оставался внимательным к коллегам, сильно обозлившись, узнав, что один из гостей приставал к барменше, которая всю ночь сдерживалась, чтобы не расплакаться. Между заказами и уборкой столов он несколько раз подходил к ней, чтобы убедиться, что все в порядке. Ален не считал себя героем, но не мог делать вид, будто ничего не происходит.

Ресторан работал до последнего гостя, но те не спешили уходить. В шестом часу утра, по привычке, пришли приятели Алена и Мария. Он прекрасно понимал их цель - вернувшись с вечеринки, они рассчитывали на бесплатную выпивку, ведь их друг работал в ресторане. Увидев их в дверях, он невольно закатил глаза, но не удержавшись, незаметно взял со стола недопитую бутылку, спрятав в глубокий карман фартука. Мария, считавшая себя его девушкой, недовольно надула щеки и промычала: - Фу, водка... - Ален подумал: дарёному коню в зубы не смотрят, и, встав вместе с другими официантами у стойки, наблюдал за последними гостями, которые не хотели уходить. Затянувшись сигаретой, он ухмыльнулся, вспоминая благодарность коллег, когда включил свет и весь персонал был отпущен на заслуженный отдых.

Хотя ноги Алена гудели, а голова раскалывалась, все же под напором Марии решил прогуляться с друзьями, благо до дома было недалеко. Он знал, что весь день будет спать, ведь завтра снова смена - на этот раз в галерее. Ему нравилось работать на подобных мероприятиях: разносить напитки, стоять с подносом, наблюдать за картинами начинающих художников, слушать обсуждения и мысли творческих людей - там он чувствовал себя на своем месте.

Докуривая сигарету, он невольно косился на соседний балкон. Сквозь шум ветра и шелест листвы раздался грохот - соседка что-то уронила и глухо выругалась. Ален усмехнулся. Спустя минуту за стеной зашумела вода. Она пошла в душ. Это показалось ему чем-то слишком интимным. Смутившись собственных фантазий, он поспешно затушил бычок и закрыл балконную дверь.

Ален хотел было отправиться в комнату, как вдруг снова обратил внимание на бокал. Он подошел, взял его в руки - запотевший от растаявшего льда, и с трепетом поднес к свету. На краю остался след бледно-розовой помады с очертанием губ. Не понимая, почему, он внимательно рассматривал его, поднеся к носу, затем к губам, и отпил. В голове мелькнула детская смешная мысль о поцелуе. Поняв это, он весело рассмеялся: - «Вот придурок...» - сказал себе, покачал головой, поставил бокал в раковину и ушел в спальню, там было свежо. Ставни

закрыты, кровать так и не заправлена - к лучшему, подумал Ален. Он сбросил одежду и, словно камень, рухнул лицом в подушку. В ногах ощущался гул - усталость постепенно растворялась, руки и плечи расслаблялись, но мысли о ней под горячим потоком воды не отпускали. - Черт... - нахмурившись, он перевернулся на спину и тупо уставился в потолок. - Лучше бы семейка с детьми заехала, и то спокойнее было бы... - с раздражением подумал он. Еще пару минут назад его забавляла соседка, но теперь, когда хотелось спать, он не мог совладать с мыслями, словно душевное равновесие было нарушено. Сложив руки на груди и хмурясь тонкими бровями, он смиренно ждал, пока шум воды за стеной стихнет, и вскоре погрузился в глубокий сон.

Ален проснулся от громкого звонка. Телефон на тумбочке разрывался. На экране мигало имя Марии. Лениво перекатываясь с затёкшего бока на другой, всё ещё в полудрёме, он боролся с веками, норотившими сомкнуться, и ответил на звонок.

Ему не нужно было видеть ее лица, чтобы понять: Мария вот-вот изольется тирадой за то, что он слишком долго не брал трубку.

- Да?.. - сонно произнёс он.

- Ты ещё спишь? - раздражённо спросила она. - Ты вообще видел, который час?

- Мари... чего ты хочешь? - хрипло ответил Ален.

Телефон выскользнул из его руки, и он уткнулся в подушку, собираясь снова провалиться в сон. Его тянуло обратно, словно в воронку, и сопротивляться он не мог.

- Я иду к тебе. Открывай.

Через несколько секунд раздался стук в дверь.

Ален подскочил, машинально подбежал к двери и отпер замок.

На пороге стояла Мария. Первое, что бросилось ему в глаза, - ее застывший в немом вопрос взгляд. Ален отступил в сторону, лениво массируя затекшую шею, и дал ей войти. Всем своим видом она демонстрировала недовольство и холодную отстранённость, словно делая одолжение. Ален потянулся поцеловать её, но Мария увернулась и направилась в комнату.

Он обогнал её и снова рухнул на кровать — тело отпружинило от мягкого матраса. Ален не спал. Он вслушивался в шаги Мари и невольно улыбался, слыша её тихие, раздражённые фырканы.

- Ален, ну ты издеваешься? - сказала она, брезгливо держа двумя пальцами его белую рубашку. - От неё же разит...

На подмышках и спине проступали желтоватые пятна пота. Её загорелое лицо с высокими скулами и губы цвета молочного шоколада исказились от отвращения.

Ален перевернулся на спину и рассмеялся.

- Дорогая, это почти героическая кровь трудяги, - усмехнулся он, окончательно просыпаясь.

Он закинул руки за голову и задержал взгляд на её лиловом платье, подчёркивающим смуглую кожу, длинные ноги и осиную талию, выгодно оттеняя аккуратную грудь.

После пары ночей в его постели Мария сама провозгласила себя его девушкой. Она всегда была избалована вниманием - парней, мужчин, даже девушек - но выбрала того, кто никогда не добивался её расположения.

Мария была высокой, почти одного роста с ним. Её руки поражали Алена изяществом, словно произведение искусства, а фигура будила самые низменные желания. Она точно знала, что и когда сказать, была начитанной, но среди малознакомых слыла обладательницей скверного характера. Ален же знал о её ранимости - и потому никак не мог с ней расстаться. Он не раз думал об этом, провожая её после очередной ночи.

Они познакомились на вечеринке у общего друга около года назад и с тех пор почти не расставались. Поначалу ему льстило её внимание - он ощущал себя избранным среди тех, кто желал Марию. Но чем яснее он осознавал серьёзность её чувств, тем сильнее они его душили. Ален хоть был свободолюбив, но так и не решался разорвать связь, которая приносила удо-

вольствие в постели. Иногда, он даже чувствовал теплое ощущение привязанности, но в основном любовь Марии висла на нем мертвым грузом.

Алену было совестно тратить её время: девушка заслуживала лучшего. Каждый раз, мысленно произнося слова о расставании, он чувствовал их глупость. В итоге оставлял всё как есть, будучи уверен, что своим пренебрежением она рано или поздно сама его бросит.

- Мы о тебе говорили на вечеринке, - сказала Мария, сменив гнев на милость, и присела на стул.

- О чём именно? - Ален насторожился.

- Макс сдал экзамены на отлично, он поступил.

- И? - он бросил взгляд в потолок.

- А ты, когда решишься?

- Я уже работаю, Мари. Мне хватает, - сказал он, отвернувшись к стене.

Мария шагнула ближе и схватила его за резинку боксёров, оголяя ягодички, разворачивая к себе.

- Эй, ты чего? - рассмеялся Ален, подтягивая их обратно. - А зачем ты пришла? Я спал, Мари.

- Я просто хочу сказать... - она встала и подошла к шкафу, взявшись за ручку дверцы.

- Это не должно пылиться без дела.

- Уйди оттуда.

- Ален, у тебя дар.

- Закрой дверь, - его голос стал жёстким.

Раздражение захлестнуло его. Его бесило её присутствие, её попытки лезть туда, куда он никого не пускал.

Он сжал челюсть и почувствовал боль от недавно полученного удара. Сев на кровать, Ален натянул штаны и уставился на Мари.

Она смотрела на него болезненным, полным обиды взглядом, словно пыталась проглотить что-то застрявшее в горле. Взгляд обиженного ребёнка и блеск в глазах немного смягчили его.

- Мария, я сам решу, что и когда мне делать.

- Я просто хочу помочь.

- Если мне понадобится помощь, я скажу.

- Но не сейчас. - он отвел взгляд.

Тишина длилась всего пару минут, пока Мария, гордо встряхнув кудрями, не пришла в себя.

- У тебя есть чего-нибудь выпить? - спросила она, оставив прежний разговор.

- Пойди посмотри в морозилке, вроде остались джин и виски... - спокойно ответил Ален, понимая, что ссора, похоже, сошла на нет, и, возможно, это было к лучшему.

Он помолчал и добавил, насмешливо глянув на неё:

- погоди, ты же только утром с вечеринки вернулась. Тебе было мало?

Он искренне удивлялся её выносливости. Сам Ален пил редко - не из чувства ответственности, а из страха потерять контроль. Ему была неприятна даже мысль о том, что он, как некоторые его знакомые, может напиться до беспамятства и натворить глупостей.

- С тобой сопьёшься... - бросила Мария и ушла на кухню.

- Ну давай ещё меня обвини в своём пьянстве... - крикнул Ален и громко, заразительно рассмеялся.

Пока Мария хозяйничала на его кухне, он посмотрел в окно. За окном стояла глухая ночь, лишь иногда шумел ветер и шелестела листва. Его взгляд задержался на кустах роз по обе стороны забора. Он с досадой вспомнил, что должен был их подстричь и убрать опавшие бутоны.

Иногда Ален подрабатывал у старика Инноченти: стриг газон, ухаживал за цветами, чистил бассейн и чинил всё, что угодно — внутри и снаружи. Лишь бы эта почти разваливающаяся вилла, напоминавшая ему сарай, и дальше могла служить пристанищем для нищих студентов, стариков или скупых туристов.

Ален посмотрел на часы - стрелка почти касалась десяти. День тянулся вязко, будто застрял между усталостью и пустотой. Ему не хотелось ничего - только снова провалиться в сон и исчезнуть хотя бы на время, но Мария своим присутствием лишала его и этого простого выхода.

Вспомнив о ней, он заметил, что на кухне стало подозрительно тихо. Он поднялся с постели и прошёл туда.

Мария стояла у раковины и рассматривала бокал.

- На что смотришь?

Он уже понимал, что привлекло её внимание.

Следы помады были почти незаметны, но этой мимолетной улики хватило, чтобы в воздухе отчетливо повеяло чужим присутствием.

Мария провела пальцем по краю стекла - медленно, почти механически.

- Это не моё, - сказала она спокойно. И после паузы добавила: - У тебя кто-то был?

Она повернулась.

Взгляд - ровный, неподвижный, выжидающий.

- Ничего не хочешь мне сказать? - в глазах ее читалась ревность.

Ален устало оперся о дверной косяк. Плечом почувствовал прохладу камня, замирая на минуту дольше, чем нужно.

- Новая соседка. Я впустил её подождать старика. Всё.

Мария задержала взгляд на его лице, потом на руках.

- И бокал тоже в рамках помощи?

- Мария, не начинай.

- Я не начинаю. Я держу факт.

Пауза.

- Она красивая?

Ален усмехнулся, выдохнул через нос, почти раздражённо.

- Я даже имени её не помню.

- Врёшь.

Он не ответил.

Просто сделал шаг ближе.

Мария не отступила - только чуть подняла подбородок.

Он коснулся её шеи губами. Кожа была тёплой, с лёгким цветочным запахом духов. Его ладонь легла на её талию - плотно, без мягкости, притягивая ближе.

- Тебе всегда проще так, - тихо сказала она, чувствуя его дыхание у ключицы.

- Сейчас не до разговоров.

- Тебе никогда не до разговоров, когда нужно отвечать.

Она не отстранилась, но плечи напряглись под его рукой.

Он провёл пальцами по её ребрам - медленно, проверяя реакцию, чувствуя, как она задержала дыхание.

Её руки легли ему на шею. Пальцы чуть сжались, не ласково - скорее удерживая.

Расстояние исчезло окончательно: грудь к груди, дыхание сбилось, стало ближе, тяжелее.

Они не стали больше говорить.

Просто перешли в спальню.

Сначала было молчание - плотное, неровное, как будто они двигались в нём, не разрывая. Потом оно распалось.

Одежда мешала, цеплялась, падала на пол в темноте. Кожа находила кожу резко, без пауз. Дыхание стало сбивчивым, горячим, прерывистым, заполняя маленькое пространство комнаты. Пот выступал на висках, на шее, на спине, смешивался с движением, с короткими остановками, которые тут же срывались обратно.

Мария цеплялась за него - пальцами в плечо, в спину, иногда сильнее, чем нужно, не удерживая себя.

Он чувствовал этот напор, отвечая с той же силой - не мягче, осторожнее, попадая точно в ее ритм.

- Алэн... - её голос сорвался, утонул в движении.

- Тише, - сказал он, не отстраняясь.

Где-то вдалеке сознания мелькнула мысль о просьбе сеньоры Инноченти не шуметь. Он отметил её и потерял.

Потом наступила тишина.

Они лежали рядом, не сразу возвращаясь в нормальное дыхание.

Кожа ещё хранила тепло и влажность, плечи медленно отпуская, тело возвращалось в неподвижность.

- Ты поедешь со мной на побережье во вторник? - спросила Мария, не открывая глаз.

- Мы это уже обсуждали, у меня смена.

- Чего и следовало ожидать...

- Я не люблю планы.

- Ты не любишь людей. - парировала она.

Он коротко усмехнулся, не поворачивая головы.

- Но ты всё ещё здесь.

Мария повернулась на бок. Простыня скользнула по коже. Фраза осталась в воздухе, не требуя ответа. Безмолвие снова легло между ними - тяжёлая, физически ощутимое, как присутствие второго тела рядом, которое не исчезает даже в неподвижности.

- Тебя проводить? - тихо спросил он.

Ответа не было.

Когда её дыхание стало ровным, он понял, что она уснула.

Ален лежал на спине, чувствуя её тепло рядом, ещё не полностью остывшее пространство между ними, и смотрел в потолок.

Дело было не в кровати.

И не в другом человеке рядом.

Глава 4

Несмотря на пылкую страсть, разливавшуюся за стеной, Эмилия уснула довольно быстро — причиной тому было вино, которое, вопреки шуму, мягко усыпило её.

Первым, с чем она проснулась, было чувство дикой жажды. Смахнув остатки сна, Эмилия мысленно начала планировать день. Она собиралась отправиться в центр города, посмотреть достопримечательности, позавтракать в красивом месте. Стоило подумать о еде, как в животе жалобно заурчало. Голод оказался убедительным аргументом, и она поспешила собираться.

Комната ещё не успела нагреться — солнечные лучи пока не добрались до её окон. Во дворе поднялся ветер, и она услышала, как шелестит листва, будто нащёптывая и маня выйти на балкон, вдохнуть свежего утреннего воздуха. Поддавшись этому тихому зову, она и забыла, что осталась в одной сорочке.

Она посмотрела на бассейн. Вода казалась прохладной, почти стеклянной. На мгновение Эмилия представила, как ныряет в неё с головой, позволяя телу окончательно проснуться. Улыбнувшись своим мыслям, она перевела взгляд на соседний балкон — и замерла.

На плетёном стуле сидел Ален. Он откинулся назад, вытянув длинные ноги вперёд, одну руку небрежно закинул за спинку стула, другая лежала на животе. Глаза скрывали тёмные очки, и казалось, он спит, наслаждаясь утренней прохладой, которая мягко ложилась на обнажённую кожу.

Эмилия позволила себе рассмотреть его — всего на секунду дольше, чем следовало бы. Её взгляд привлёк подтянутый торс, спокойная линия груди и светлая полоска кожи над бёдрами. Под тонкой кожей рук отчётливо проступали переплетающиеся с рельефными, сухими мышцами вены. В его теле не было показной демонстративности — только естественная молодость и сила, и именно это её смутило.

Ей следовало бы отвернуться, но она не сразу это сделала.

Ален улыбнулся.

— Доброе утро, — хриловато произнёс он.

Сердце её предательски ускорилося. От неожиданности — или не только?

— Доброе, — ответила она, стараясь придать голосу спокойствие.

— Как вам спалось?

— Отлично. Спала как младенец... — она сделала паузу. — Ты давно наблюдаешь?

— С того момента, как вы вышли на балкон...

Он медленно опустил очки и посмотрел прямо на неё. Без улыбки. В его взгляде было что-то внимательное, изучающее — и это вдруг выбило её из равновесия.

Эмилия отвела глаза первой.

Что она делает? Стоит в одной сорочке перед незнакомым молодым мужчиной и позволяет себе этот взгляд. Ещё вчера она убеждала себя, что приехала сюда за тишиной, за паузой, за воздухом — не за приключениями.

«Ты взрослая женщина», — мысленно одёрнула она себя.

Но внутри шевельнулось что-то забытое — почти девичье, лёгкое, опасное.

— Мне пора собираться, — коротко произнесла она и скрылась в комнате.

Закрывая за собой дверь, она готова была поклясться, что услышала тихую усмешку.

Эмилия отмахнулась от наваждения. Часы пробили семь, мягкий утренний свет просачивался сквозь занавески и рисовал блики на стенах. Она перебрала свой скромный гардероб и остановилась на светлой блузе с пуговицами и тонких льняных бежевых штанах — наряде лёгком, непринуждённом, дышащем летней свежестью. На шею она надела маленькую плёночную Leica — сдержанную, точную, как инструмент для охоты за мгновением.

Фотография всегда манила её, хотя понимания в этом было немного; тяга к ней шла с детства. Будучи маленькой, она часами рассматривала старые фотокарточки дедушки, когда проводила каникулы на ферме в Вайоминге. Бабушка ушла раньше, и дедушке было одиноко. Работники, которые по сути были друзьями, не могли заменить родной души.

Эмилия часто проводила с ним вечера на веранде, когда воздух пах солнцем и сеном, а лёгкий ветер был прохладным и ленивым. Она читала сказки, а солнце медленно уходило за горизонт, окрашивая всё вокруг в золотисто-розовые оттенки. Благодаря дедушке она любила животных: от суетливых, клюющих зерно кур до мирно пасущихся коров.

За год до смерти он подарил ей мыльницу, и она тренировалась с ней в фотографии, ловя свет и тени, но со временем интерес к этому угас. К семнадцати годам её сердце уже принадлежало флористике, и это стало её единственным настоящим увлечением.

Родители не поддерживали её хобби. По их настоянию Эмилия поступила в местный колледж и выучилась на учителя младших классов. После окончания колледжа она работала по специальности, но сердце всё ещё тянуло её к тихим радостям — к цветам, запаху земли и воспоминаниям о ферме, где каждый закат был маленьким чудом.

Эмилия спешила: ей хотелось попасть в центр, пока город ещё не до конца проснулся, пока жара и зной не вытеснили утреннюю прохладу. Автобус медленно спускался по Via di San Domenico, с остановками позволяя Флоренции открываться постепенно, словно читать её между строк: крыши, потом плотные кварталы, затем камень и тень. В салоне уже было тесно: весь транспорт занимали туристы с путеводителями в руках. Ни один уважающий себя итальянец не встанет с постели в такой ранний час.

Выйдя на Piazza San Marco, она сразу почувствовала, как меняется воздух: он стал плотнее, суше, в нём смешались запахи кофе, нагретого камня и пыли. Разительное отличие от места, где стояла её вилла: вместо пустых улиц — люди, вместо умиротворения — лёгкая суета. Больших толп ещё не было, но туристы уже заполняли площадь; время от времени мелькали студенты, пересекавшие площадь с папками под мышкой.

— Ну что же, начнём, — воодушевлённо сказала Эмилия, глубоко вдохнув.

Она пару раз вскинула камеру, ловя в видоискатель прохожих, и уверенно направилась навстречу чему-то новому.

Via Savonarola встретила её прямоотой и строгостью — вытянутая, словно нарочно проложенная, чтобы вести взгляд вперёд. На минуту Эмилия даже подумала отказаться от путеводителя. Каменные фасады тянулись по обе стороны, окна были высоко, и город здесь казался собранным, почти дисциплинированным. Шаги отдавались эхом, и она поймала себя на том, что идёт чуть быстрее обычного, будто улица сама задаёт темп. Чем дальше она шла, тем отчётливее становилось ощущение пространства: свет усиливался, перспектива раскрывалась — и перед ней возник купол.

Quanto невозможно спутать ни с чем: он не появляется — он нависает. Бело-зелёный мрамор фасада, открытая площадь, люди, которые останавливаются сами собой, будто подчиняясь его почти магнетическому притяжению. Эмилия фотографировала почти не переставая, не думая ни о чём, просто позволяя восторгу вести себя. Она постояла недолго, не выходя полностью на площадь, а затем повернула на другую улицу.

Здесь город резко сменил тон. Стало шумно, тесно, плотнее. Витрины, шаги, голоса, звон посуды из кафе — всё сдвинулось ближе к телу. Глаза разбегались от переизбытка красок и движения; люди шли навстречу, задевая плечами, и ей приходилось постоянно корректировать траекторию. Обычно толпа вызывала у неё раздражение, но сейчас казалось, что все здесь дышат в одном ритме, живут единым настроением, как один организм.

Улицы сузились, дома приблизились друг к другу, балконы нависали низко, а между ними тянулись верёвки с бельём. Запахи изменились: меньше кофе, больше кухни — масло, хлеб, что-то тушёное. Она шла медленно, позволяя улице вести себя, и в какой-то момент

поняла, что уже не может сказать, где именно находится. Переулок Vicolo dei Massi упёрся в стену — короткий, почти тупиковый, — и ей пришлось развернуться. Это было то самое место, где карта в голове перестаёт работать.

— Чёрт... — тихо выругалась она, злясь на себя за то, что заблудилась.

Она осталась одна в переулке, не понимая, куда идти дальше, как вдруг сверху послышались звуки — и что-то капнуло ей прямо на плечо. Подняв голову, Эмилия увидела седовласую женщину, высунувшуюся из окна. Та угрюмо посмотрела на неё и, не сказав ни слова, продолжила вешать бельё.

— Простите, синьора... — неуверенно окликнула Эмилия.

Женщина не отреагировала. Подумав, что её не услышали, она повторила громче.

— Oh, che vuoi? Non vedi che sono ossupata? — раздражённо бросила женщина, не переставая жестикулировать.

Эмилия не поняла ни слова, но интонация была красноречивее любого перевода.

— Я заблудилась... Я ищу Caffè degli Artigiani, — растерянно сказала она.

— Di là, di là... Vai a sinistra, poi sempre dritto, — ответила женщина, махнув рукой сначала в одну сторону, потом в другую.

— Eh... che testa... sta bionda... — женщина покачала головой.

— Grazie, — выдавила Эмилия и, поправив ремешок камеры, побрела по размытым ориентирам, которые ей указали.

Кафе она заметила не сразу. Узкая дверь, потёртая вывеска — Caffè degli Artigiani. Внутри было прохладно, и это ощущение принесло чистое физическое облегчение. Каменный пол хранил утреннюю сырость; когда она села, тело наконец позволило себе замедлиться, уставшие ноги — отдохнуть.

Лишь на мгновение она спросила себя, почему раньше не решалась на подобное путешествие — в полном одиночестве, наедине со своими мыслями. В этот момент на телефон пришло сообщение. Стоило ей взглянуть на экран, как настроение помрачнело. Бывший муж писал — гневно, резко, обвиняя её во всём сразу. Перед отъездом она должна была оставить ключи от квартиры для его новой пассии, но по забывчивости — или намеренно — забрала их с собой. Они лежали в сумочке, словно знак её нерешимости окончательно отпустить прошлую жизнь. Будто это был не ключ от квартиры, а ключ от той части себя, с которой она всё ещё не была готова расстаться.

Она решила не отвечать. Ей нравилось, что их развод прошёл без скандалов, и пусть уж он считает её холодной сукой, чем истеричной размазнёй.

Эмилия решила проигнорировать утренний час и заказала бокал местного домашнего вина — простого, тёплого, помогающего унять дрожь. Она сидела, слушая звон чашек, приглушённые голоса за стойкой, и чувствовала, как город больше не требует от неё внимания — он просто существует рядом. Чуть позже дрожь унялась.

Выйдя обратно на улицу, Эмилия пошла туда, откуда доносился шум. Через несколько минут пространство снова раскрылось — перед ней оказался Mercato di SantAmbrogio. Здесь всё было конкретным: ящики с овощами, запах фруктов, влажные руки продавцов, голоса, перекрикивающиеся через прилавки. Она купила хлеб, фрукты, сыр — простые вещи, которые приятно нести в сумке, ощущая их вес. Ей уже казалось, что покупок достаточно и пора возвращаться на виллу — выпить вина, искупаться в бассейне, до сих пор нетронутым.

Как вдруг случилось то, чего она совсем не ожидала...

Глава 5

Последние девять лет утро Кэти начиналось одинаково — суетливо и без права на передышку. Несмотря на хороший достаток и возможность нанять гувернантку для детей, она упрямо предпочитала заниматься ими сама, словно в этом заключалась её последняя, почти исповедальная обязанность.

Не успев толком проснуться и даже не почистив зубы, она вскочила с постели и, машинально взглянув на пустую половину кровати — туда, где должен был лежать её горячо любимый муж, глава семейства Паоло, — тяжело вздохнула. То был вздох не столько отчаяния, сколько смирения, выученного годами. Не задерживаясь, она направилась в детскую.

Перед сыновьями Кэти всегда была другой: весёлой, энергичной, неизменно ласковой. Ни разу за все эти годы она не позволила себе при них ни слезинки, ни тени грусти. И сегодняшний день, несмотря на бессонную ночь, исключением не стал.

Спустившись с детьми вниз, Кэти никак не ожидала увидеть Паоло. Он сидел на диване, вальяжно закинув ногу на журнальный столик, и не спеша пил кофе. В это время он обычно уже отсутствовал, но по расслабленному, даже довольному выражению лица было ясно — сегодня он никуда не торопился.

— Папа! — вдруг радостно закричали близнецы.

Они синхронно сбросили рюкзаки и кинулись к отцу, а уже через мгновение висели у него на шее. Давно Кэти не видела их такими счастливыми: лица сыновей сияли искренней, почти восторженной любовью. Паоло смотрел на них с умилением; объятия его были крепкими, по-мужски сдержанными, но полными ласки. Он любил детей — и Кэти это знала.

— Ты ещё дома? — спросила она, изобразив равнодушие.

— Как видишь... — коротко ответил Паоло.

В этот момент его телефон завибрировал. Кэти мельком взглянула на вспыхнувший дисплей. Лицо мужа мгновенно посуровело: с явным раздражением он перевернул телефон стеклом вниз. Она поёжилась от этого тяжёлого, давящего молчания, хотя давно должна была к нему привыкнуть.

— Дети, отстаньте от отца, мы опаздываем... — строго сказала она.

Близнецы, как всегда, синхронно недовольно завопили.

— Я сам их отвезу, а потом поеду по делам... — Паоло поднялся с дивана, подобрал с пола рюкзаки мальчиков и, не глядя на Кэти, направился к выходу. Те послушно, почти по-военному, поднялись и вприпрыжку направились за отцом.

Кэти смотрела им вслед — своей семье, которая только что оставила её одну в этом прекрасном и одновременно пустом, гулком доме. Как бы она ни старалась, сколько бы времени и заботы ни отдавала детям, ей всё чаще казалось: отца они любят куда сильнее.

— И, кстати... — Паоло обернулся уже у выхода, словно только сейчас заметив её. Он посмотрел Кэти прямо в глаза. — Вечером я приеду с Ганцем. Уложи детей пораньше.

— Во сколько?

— К восьми они уже должны спать, — отрезал он, кивнув в сторону сыновей.

Мальчики синхронно округлили глаза и уставились на отца, как испуганные птенцы.

Кэти с ужасом посмотрела на мужа.

— Ты с ума сошёл? Когда это близнецы так рано ложились? — с упрёком спросила она, нахмурившись. Вся она была словно натянутая струна.

— Если ты не справляешься с детьми, найми няню, — холодно сказал он. — Или, ещё лучше, моя мама придёт сегодня вечером и уложит наших детей.

Слово «наших» он подчеркнул с явным нажимом и даже тенью ухмылки. Не оглядываясь, Паоло вышел из дома вместе с детьми.

Кэти сжала зубы с такой силой, что заломило челюсть. В приступе глухого, непривычного гнева она схватила со стола ключи от машины и швырнула их в стену. Грудь вздымалась так тяжело, что пуговицы на платье едва не отлетели со звоном. Постояв немного, она сделала несколько глубоких вдохов. Успокоилась. Подобрала связку с пола и вышла на улицу.

Она обожала летний зной Флоренции — он напоминал ей родину. С усилием выбросив из головы всё, что считала сейчас неважным, Кэти села в машину. У неё был свой маленький ритуал, который почти всегда возвращал ей ощущение себя. Она распустила шикарную копну рыжих волос; кудри игриво легли на плечи. Встряхнув головой, Кэти достала вишнёвую помаду.

И вот уже красивая, уверенная женщина в тонком шёлковом платье цвета шампань мчалась навстречу дизайнеру. Третий год Кэти делала ремонт, и всё это время что-то шло не так. Сменив очередного горе-дизайнера, она почти отчаялась найти «своего» человека — с таким же чувством стиля и безупречным вкусом, в котором никогда не сомневалась. Планов было множество, и к её удивлению, город посетил именитый мастер Лоренцо Виттори. Чтобы не упустить удачу, она договорилась о встрече в кафе неподалёку от его гостиницы Сан-Аурэлио.

Кэти знала город как свои пять пальцев — каждую узкую улочку, каждый закуток, каждый тупик. Но, очнувшись от мыслей, вдруг поняла, что пропустила поворот. Как ни отвлекали её летний ветер и любимые пейзажи, она не могла избавиться от образа того проклятого телефона, перевёрнутого экраном вниз.

— Наглец... — прошипела она. — Нет, ну какой наглец...

Ногти впились в руль. Сделав круг, Кэти решила сократить путь и проехать мимо рынка. Уже подъезжая, она снова задумалась и в следующий миг резко затормозила.

Мимо машины метнулась фигура в толстовке не по погоде. Капюшон, платок, закрывающий половину лица — видны были лишь перепуганные, вороватые глаза. Кэти замерла, всё так же вцепившись в руль, и смотрела, как человек растворяется в толпе.

Через пару секунд вслед за ним выбежала блондинка. Она остановилась, тяжело опершись на колени, на её лице читалось полное отчаяние. Догадаться о случившемся было нетрудно.

Повинуясь внезапному порыву, Кэти вышла из машины.

— Вам нужна помощь? — спросила она, подходя ближе.

Позади недовольно загудели машины — Кэти перегородила проезд, но лишь отмахнулась от резких звуков клаксонов. Пострадавшая блондинка судорожно ловила ртом воздух. Когда Кэти подошла вплотную, она опешила.

— Эмилия, чёрт тебя дер... — присвистнула она, узнав бывшую университетскую подругу.

Та прищурилась, выпрямилась и застыла в изумлении.

— О боже... — выдохнула Эмилия.

— Почти, — громко рассмеялась Кэти. — Вот так встреча!

Не сдерживаясь, она заключила подругу в крепкие объятия.

— Сколько лет... — сказала Кэти, отстраняясь и разглядывая её лицо. — Да ты ещё краше стала, вот ведь ведьма...

— Эй, дамочка, дай проехать! — крикнул кто-то из такси.

— Да погоди ты! — огрызнулась она в ответ.

Кэти почти насильно обменялась с Эмилией номерами и безапелляционно потребовала, чтобы та пришла к ней вечером. Не оставив подруге выбора, она услышала покорное согласие.

— Сегодня вечером! — повторила Кэти, уже садясь в машину.

Чувство абсолютного, дикого триумфа переполняло её. Это внезапное, пьянящее чувство невозможно было омрачить ничем. Они не виделись с тех пор, как обе вышли замуж. Если

Кэти ещё пыталась поддерживать связь, то Эмилия, по её мнению, растворилась в отношениях без остатка. Была и иная причина их разлада — и имя ей было Паоло.

Мчась на встречу, Кэти ловила себя на том, что в голове вновь и вновь возникает недовольное лицо мужа. Её забавляло, как исказится его выражение, когда он увидит столь презираемую им Эмилию. Она знала, почему Паоло не любил подругу. Знал ли он, что Кэти об этом осведомлена, — вот что было особенно сладко.

От этой мысли она истерически рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.